

Он сам всегда себе противоречит. «Я бы мог прожить и без актерства». И не прожил. Ни одного дня. Хотя от казывался от ролей.

Необъяснимо как-то отказывался, но отказывался. И принимал предложения лестные, тщеславные, может быть, и с тягостной ношей неудачника играл их. Этих ролей не помнит. Он сам не помнит. Знают другие. Знают Шакуров (речь идет именно о нем) по фильмам Соловьева, Михалкова, Хуциева, Сахарова. Сыграл много, ярко. Памятно. Но он утверждает, что мог бы прожить и без этого. А с чем тогда?

«С чем? — спрашивает он вас. — А с чем угодно. Вы думаете, что актерская профессия единственная? Единственная на свете, которая дает возможность человеку выразить самого себя? Нет. Для меня — нет». — Нет? — спрашиваете вы, подозревая, что вас надувают, надуют с невероятной актерской убедительностью. Но вы верите, да-да, верите...

В АРБАТСКОМ дворе, вернее, во дворе дома Гоголевского бульвара, рос мальчик, который был мал, худ и заносчив. Дрался, спорил, проигрывал и побеждал, прыгал на спор с высокой крыши. И вообще всеми доступными себе способами пытался доказать, что он есть. Занимался акробатикой, стал мастером спорта (что никогда потом не афишировал): «Я и так всегда излишне самоуверен, плюс — люблю рисковать». А за этой фразой — зачем же ставить других в известность, что я все могу, пусть они и сами в этом убедятся.

Вот этот, состоящий из углов и противоречий молодой человек оказывается в театральной студии Эфроса. Кажется, тут он должен раствориться, потерять всю свою амбицию и просто стать частью воздуха, который и составляет непостижимое для непосвященных обаяние этой студии. Но нет, этого не произошло. Он очень любил студию, любит ее и сейчас, но его индивидуальность настолько не поубавилось от общения с другими. Шакуров остался самим собой, вернее, стал выкристаллизовываться в то, что теперь именуется акте-

ром Сергеем Шакуровым.

ШКЛОВСКИЙ в очень схожей ситуации писал: «Постой здесь, фразы. Постереги вещи, пока я приведу сюда другие слова». Другие слова привел сам актер, проявившись на сцене, на телеэкране и на киноэкране. В труппе Театра имени Станиславского он сыграл довольно много, всегда вспоминают «Живой труп». Сыграл много классики и на телевиде-

смачивается. (Режиссер Алексей Сахаров подтвердил это). Как-то в троллейбусе, который возит половину «Мосфильма» от студии к метро «Киевская», Сахаров предложил Шакурову посмотреть сценарий «Вкуса хлеба» и выбрать роль по своему усмотрению. Был еще год до начала съемок.

Шакуров взял сценарий, «не сценарий, а целый талмуд страниц в шестьсот», и признал, что очень бы хотел сыг-

так — живи в кадре, как тебе хорошо, а я на тебя буду смотреть. Он ищет в тебе твой ритм и не хочет его нарушать. Это было так непривычно...

Ему надоело сидеть, он вскочил и начал путешествовать по комнате. Наскучило отвечать на вопросы, и он стал спрашивать сам. Спрашивал о других актерах, о себе, о фильмах, о спектаклях. Потом вновь вернулся к режиссеру. «С Жалаквичюсом было очень интересно. Жаль, что «Мо-

стью» называется, по-моему, свое желание дойти до сути. Дойти, даже если никто не знает ни дороги туда, ни есть ли там сама суть. Он все должен проверить, узнать и, главное, испытать сам. Сам на себе. Таков его принцип. И никакое наличие актерской техники его тут не спасает и не останавливает. Скорее, он пренебрегает ею. И пускает ее в ход, когда сердце молчит. Но это с ним бывает редко, почти не бывает. Он любит испытывать страсти, какой бы ценой они ему ни доставались. И чем труднее достаются, чем недоступнее, тем лучше. «Он фанатик. Страстный, непримиримый, азартный», — говорит о нем А. Михалков-Кончаловский.

В «Сибириаде» ему предстояло сыграть Спиридона Соломина, человека, которому на экране надо было прожить большую жизнь и долгую — от юных лет до старости. Стало быть, нужен был и трехчасовой грим, которым никогда прежде актер не пользовался. Он хотел всего, и он шел на все: впервые такая большая возрастная роль, впервые ему надо играть человека, неведомого ему еще и потому, что жил сто лет назад и волновали его совсем иные проблемы, к тому же сыграть человека, который убит... Шакуров искал объяснение этому поступку везде. Везде спрашивал как, что. Что даст прощение этому греху? Перечитав всего Достоевского, набрал на фразу, ставшую благословением роли. Спиридон сидел за убийство. Он убит. Но он не маньяк. Убил в борьбе. Совесть его спокойна. И в пришедшей старости его нет озлобления. Он откупил, отстрадал свой грех. И если не простил себя, то отпустил свою душу. И душа всегда должна знать свой поступок.

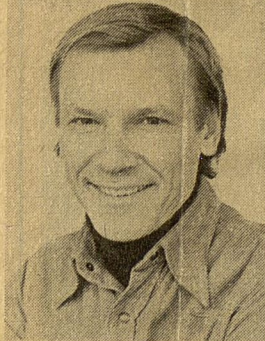
А СЕЙЧАС Шакуров уже забыл об этих ролях. Он сыграл у А. Смирнова в фильме «Верой и правдой», встреча с которым нам скоро предстоит, и только что завершил съемки у С. Соловьева в картине «Спасатель». И наконец, может быть, самое главное и принципиальное. В театре сыгран Сирано де Бержерак. Но об этом позже...

Л. ИГУМНОВА.

Фото А. ЛОМОХОВА.

ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, ЗЛОЙ...

нии. В кино он, кажется, был не очень заметен, но тем не менее одна из ранних работ — у Хуциева в фильме «Был месяц май». А потом? Потом были «Сто дней после детства», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Сибириада», «Вкус хлеба» и еще роли — все сразу не вспомнишь. У Столпера снимался в «Возмездии» и в «Четвертом», была еще картина «Я солдат, мама», где, как он утверждает, и открылся. «Собственно я и сам тогда не знал, что я могу, а что нет. А после этого фильма, кое-что про себя понял...».

Это потом не помешает ему утверждать, что он ничего не знает про свою профессию, про актерство. Что это все каждый раз по-разному.

В нем столько противоречий, столько упрямства и ярости, что это сначала вызывает раздражение и недоумение. Что это в самом деле? А потом приходит мысль, что все это маневр, отвлекающий маневр, чтобы никто никогда не узнал, откуда черпает он свои силы. Хотя он всегда искренен и откровенен, и несколько не скрывает, не играет в тайну. В тайнства творчества. Должно быть, это часть его профессии — искать в противоречиях, выросшая из его характера.

У НЕГО было такое ощущение, что Сахаров давно к нему при-

рать Ерошина (в фильме его потом сыграл актер В. Рыжаков). Сахаров подумал и предложил ему роль Сечкина. (Актерский выбор был заманчивее, но не очень понятно, что бы мог сыграть Степана Сечкина...).

Шакуров не говорил ни да ни нет. Роль эту ему играть не хотелось, скучноватой казалась. Сахаров оказался терпелив и убедителен. Начались пробы. «Пробовали раз девять, чтобы все обкатать в репетициях и пробах, дабы в экспедиции не терять времени на площадке. Все ключевые куски мы обговорили и даже речь Сечкину нашла, и все мне это понравилось. Потом, правда, Сахарова не устраивало, что я на съемках не всегда досконально знал текст. А я не очень люблю знать текст. Так, в общих чертах, чтобы можно было потом импровизировать. Чтобы было ощущение жизни».

...Сидит в кресле неспокойно, точно собирается куда-то удрать и вовсе не продолжать разговор. Перебивает, никакая последовательность его не устраивает. Это его раздражает, и он ломает весь ход беседы. «Знаете, очень интересно было работать с Хуциевым, он какой-то весь музыкальный, с непонятными паузами, словно не он снимает и ставит кадр, а просто ходит по площадке кто-то и присматривается к актерам. И не требует никаких слов,

мент истины» не сняли, интересный был бы фильм! Витас работает так быстро, его невозможно опередить, никогда невозможно представить, что он придумает в следующую минуту. Это такой напор фантазии, и всегда при этом тебя слушает и поймет, и откажет, и согласится, и потом снова все передумает. Человек чудовищной работоспособности и эрудиции. Я ему завидую. Я, правда, завистлив».

Он не скрывает своих симпатий и антипатий. И может говорить об этом только пристрастно. Как пристрастно все делает в своей жизни. С любовью, яростью, нежностью и ненавистью — «но прежде всего я человек злой». Не надо искать тут обычной, тривиальной злости. Он не зол к другим, по крайней мере, не более зол, чем мы с вами. Он зло-